РОВИРА

ДРАМА ВЪ ТРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ

ИВАНА ГОЛОВИНА.

Le Tasse errant de ville en ville,
Un jour accablé de ses maux,
S'assit près du laurier fertile
Qui sur la tombe de Virgile
Etend toujours ses vers rameaux.
FONTANES.

ЛЕЙПЦИГЪ. LEIPZIG,
Вольфгангъ Гергардъ. Wolfgang Gerhard.
1858.

(Aufführungs- und Uebersetzungs-Recht vorbehalten.)

ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬТЬУ

БАРОНУ

АЛЕКСАНДРУ ГУМБОЛЬДТУ

И ПР. ПР.

СЕЙ ТРУДЪ ПОСВЯЩАЕТЪ

АВТОРЪ.

A Mr. le Baron Alexandre de Humboldt.

Victoria Hôtel le 3 Juillet 1858.

Monsieur le Baron.

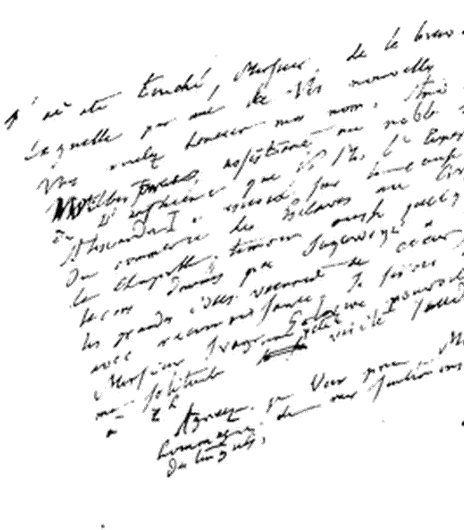
Il y a eu beaucoup d'empereurs et de rois dans ce monde; mais la Providence a réservé à Alexandre II seul la gloire d'émanciper les serfs. Déjà il est entré dans cette voie avec une résolution qui fait dire que les grandes idées viennent d'un bon coeur.

Je publie en ce moment un drame en russe, emprunté à la vie d'esclaves à Cuba. C'est avec votre livre à la main que j'ai parcouru cette île, et je viens vous demander la permission de vous dédier mon travail.

Je vous prie de daigner agréer l'expression de la haute considération et des sentiments distingués avec lesquels j'ai l'honneur de me dire, Monsieur,

votre obéissant serviteur

Ivan Golovine.



A Monsieur

Monsieur Ivan Golovine.

J'ai été touché, Monsieur, de la bienveillance avec laquelle par une de vos nouvelles créations vous voulez honorer mon nom. Ami de Mr. Wilberforce, assistant au noble spectacle de l'influence que S. M. l'Empereur Alexandre Ier a exercé sur la cause de l'abolition du commerce des Esclaves au Congrès d'Aix-la-Chapelle, temoin aussi quelquefois des leçons données par Jukowsky à celui, dont les grandes idées venaient du coeur, j'accepte avec reconnaissance. Je serais heureux si Mr. Ivan Golovine pourrait honorer ma solitude d'une petite visite Jeudi 8 Juillet à 2^h^.

Agréez, je vous prie, Monsieur, l'hommage de mes sentimens les plus distingués

AL. HUMBOLDT

ce mardi.

РОВИРА.

ДРАМА ВЪ ТРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

О'Доннель, Генералъ Губернаторъ Кубы.

Родриго, Хуанъ } Ровира, мулаты

ихъ мать.

Антуанета, Луиза } Лоренцо.

ихъ отецъ.

Фрай Антоніо.

Агіеро, покровитель рабовъ.

Браунъ Американскій спекулаторъ.

Служанка Лоренцо.

Дѣйствіе происходитъ въ Гаванѣ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Гостинная Лоренцо съ отворенными окнами и дверьми. Передъ окнами желѣзная рѣшетка вмѣсто дверей. Ковровъ нѣтъ. Полъ комнаты каменный; ни печки, ни камину. За входомъ виденъ воланте (кабріолетъ) въ сѣняхъ.

Антуанета и Луиза.

Антуанета.

Онъ кажется придетъ.

Луиза.

Кто?

Антуанета.

Неужели не догадываешься?

Луиза.

Ровира?

Антуанета.

Да!

Луиза.

Такъ еще онъ все тебя занимаетъ. Ты не выбросишь его изъ своихъ мыслей.

Антуанета.

За чѣмъ?

Луиза.

Да помилуй онъ желтый!

Антуанета.

Я люблю смуглыхъ.

Луиза.

Да у него на головѣ шерсть, да онъ Арабъ, Негръ или Мулатъ, лошакъ; а лошаки не плодятся, и по дѣломъ!

Антуанета.

Вѣдь это не его вина.

Луиза.

Мало ли что не его вина; вѣдь и Кингъ Чарля твоего не вина, что онъ родился собачькой.

Антуанета.

Я люблю и Кингъ Чарля.

Луиза.

Ты шутишь, вѣдь ты не любишь же Ровира.

Антуанета.

Фу, какая ты Американка! Что за предразсудки! Развѣ не во всѣхъ почти семействахъ въ Кубѣ есть черная кровь?

Луиза.

Ну ужъ и во всѣхъ. Хоть нашу то убереги отъ этого пятна.

Антуанета.

Ты страшная Аристократка.

Луиза.

Я всегда мѣтила высоко.

Антуанета.

И не попадешь пожалуй ни въ кого. Ты читала Отелло?

Луиза.

Такъ чтоже, развѣ Дездемона была счастлива, а твой Ровира увѣнченъ лаврами? Пускай воротится онъ изъ битвы, покрытый пылью и славой, спаситель отечества, тогда можешь раскрыть объятія.

Служанка,
(докладываетъ).

Сеньоръ Ровира!

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Ровира и прежнія.

Ровира
(въ лѣтнемъ сюртукѣ).

Сеноры отдохнули отъ вчерашнего бала? Также свѣжи какъ всегда!

Луиза.

Я танцовала такъ мало, что мнѣ нельзя было устать.

Ровира.

Вы не хотѣли танцовать съ моимъ братомъ.

Луиза.

Я была ангажирована Гокиномъ, который только что воротился изъ Европы, и имѣлъ кучу новостей мнѣ разсказать.

Ровира.

Одѣтъ онъ былъ по послѣдней модѣ. Правда ли что онъ разбогатѣлъ еще больше?

Антуанета.

Говорятъ, что онъ выигралъ 100,000 піастровъ этотъ годъ на сахаръ больше противъ прежняго, сбывъ свой сахаръ въ Любекъ.

Луиза.

Сеньоръ Ровира, спойте намъ что нибудь. Вотъ гитара.

Ровиро (поетъ).

Amor que non pena,
Non pida placer,
Quo ya lo condena
Su poco querer:
Mejor es perder
Placer por dolores
Que estar sin amores.

Антуанета.

О ужъ это слишкомъ больно. Что нибудь другое.

Ровира (поетъ).

Carlo sommo! Piu che tue nome
Le tue vertuti aver volio iò
Lo juro al te e al Dio.
Da tue gèsti sero l'emulator
Pardono al tutti . . . . . .
. . . . . .

Carlo Magno! Te semila al Dio,
Perche l'offensa la copre d'ublio
Perche pardone agli offendor . . .

Луиза.

Вы вѣрите въ постоянство мущинъ?

Ровира.

Я умираю гдѣ привязываюсь.

Луиза (выходитъ).

СЦЕНА ТРЕТІЯ.

Антуанета и Ровира.

Ровира.

Антуанета! Вы всегда будете слѣпы и глухи.

Антуанета.

Благодарю за комплиментъ.

Ровира.

Вы мнѣ не дали окончить. Я говорилъ о моемъ чувствѣ къ вамъ.

Антуанета.

Развѣ вы не знаете, что всѣ мущины намъ толкуютъ одно и тоже?

Ровира.

Я знаю что я никому того неговорю, что я вамъ повторяю въ сотый разъ.

Антуанета.

Я не кокетка, Ровира. Кокетство жестоко.

Ровира.

Вы не станете играть моимъ сердцемъ?

Антуанета.

Вотъ батюшка! откройтесь ему.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ.

Лоренцо и Ровира.

(Антуанета выходитъ.)

Лоренцо.

Здорово Ровира! Сегодня просто душно. Что ты какъ будто не свой?

Ровира.

Сеньоръ Лоренцо! У меня до васъ просьба; я съ позволеніемъ вашей дочери, прошу ваше соизволеніе на мой бракъ съ Сеньрой Антуанетой.

Лоренцо.

Я васъ худо понялъ.

Ровира.

Я имѣю честь просить у васъ руку вашей дочери.

Лоренцо.

Такъ, слышу. Ты говоришь, что моя дочь тебѣ дала позволеніе?

Ровира.

Точно такъ.

Лоренцо.

Ходя ко мнѣ въ домъ каждый день, чего удивительнаго что тебѣ это пришло на умъ? Гдѣ у меня былъ разумъ? Но удивительно, что моя дочь ..... Слѣпа ли она или глупа? Ты Ровира, говорятъ богатъ, т. е. твое семейство?

Ровира.

Еще нашъ дѣдъ нажилъ себѣ нѣкоторое состояніе.

Лоренцо.

Но на комъ онъ былъ женатъ?

(Молчаніе. Лоренцо беретъ Ровира за руку, и подводитъ къ зеркалу.)

Ты видишь?

Ровира.

Что?

Лоренцо.

Твой цвѣтъ лица!

Ровира.

Такъ что же въ этомъ?

Лоренцо.

Коль это ничего, то взгляни на твои волосы! И съ этимъ-то происхожденіемъ, ты смѣешь думать о моей дочери?

Ровира
(въ исступленіи).

Въ Мексикѣ и Чилѣ есть потомки Испанскаго дворянства, но Куба пришла въ уваженіе только со времени какъ другія Колоніи отдѣлились отъ Испаніи. Вашъ же родъ такъ старъ здѣсь, что онъ поселился прежде революціи.

Лоренцо.

Что ты этимъ хочешь сказать?

Ровира.

Что вашъ дѣдъ былъ свинопасъ.

Лоренцо.

Мерзавецъ!

Ровира.

Да вы полно-ли не съ Канарскихъ Острововъ, откуда сюда привѣзжаютъ только нищіе и женщины развратнаго поведенія?

Лоренцо.

Вонъ! Вонъ изъ моего дома, негритянокъ! Чтобъ твоя нога сюда не заносилась.

(Ровира гордо кланяется и выходитъ.)

Лоренцо
(кричитъ).

Антуанета! Луиза! Антуанета!

СЦЕНА ПЯТАЯ.

Лоренцо и его дочери.

Лоренцо.

Глядите на Ровира въ окно, въ послѣдній разъ! Ты знай, Антуанета, что ты никогда не будешь его женою. Нахалъ! смѣлъ просить твоей руки! Я тебя не узнаю, ты не

моя дочь, въ тебѣ не течетъ моя кровь. Ты вѣрно ободрила, и подала ему надежды.

Антуанета.

Что же тутъ удивительнаго папинька? Развѣ Донна Жозефа не вышла замужъ за Пеля Ренте. онъ также мулатъ и нашъ уроженецъ. а она инфантка. Наше семейство не лучше же королевскаго?

СЦЕНА ШЕСТАЯ.

Тѣже и Фрай Антоніо.

Фрай.

Что съ вами Сеньоръ Лоренцо, вы на себя не похожи?

Лоренцо.

Такъ. ничего.

Фрай
(къ Антуанетѣ).

Не уходите, у меня до васъ дѣло. Я хочу спросить ваше мнѣніе объ этихъ матеріяхъ (выкладывая ихъ). Я купилъ барежу для моихъ племянницъ.

Антуанета.

Вы хотите сказать для вашихъ дочерей.

Фрай.

Фу! фу! Антуанета, это неговорится; какая вы злая! Папаша васъ вѣрно журилъ. Да, въ чемъ же дѣло, объ чемъ разладіе?

Лоренцо.

Фрай насъ разберетъ. Эта дурочка просто втесалась въ Ровира.

Фрай.

Знаю, знаю; Мулаты, которымъ принадлежитъ кофейная напротивъ почты.

Лоренцо.

Точно такъ.

Фрай.

Записаны у меня въ метрическихъ книгахъ.

Лоренцо.

Что? Кто?

Фрай.

Всѣ дѣти, а родоначальникъ фамиліи въ бракѣ не записанъ, и его сынъ помеченъ какъ рожденный отъ незаконнаго брака.

Лоренцо.

Что вы говорите?

Фрай.

Такъ точно, онъ соблазнилъ Негритянку, рабыню, которая убѣжала отъ своихъ господъ.

Лоренцо.

Слѣдовательно онъ рабъ.

(Антуанета блѣднѣетъ и опускается на кресла.)

Фрай.

Рабы Монини.

Лоренцо.

А они мнѣ съ родни. Иду ихъ покупать.

(Антуанета въ обморокѣ.)

(Занавѣсъ падаетъ.)

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Задняя часть кофейнаго дома на плацъ д'Армѣ.

Ровира и его мать
(подаютъ пакетъ матери).

Мать.

Юстиція! Іезусъ Марія, что такое?! (прочитавъ пакетъ падаетъ въ обморокъ. Ровира вырываетъ бумагу изъ рукъ ея).

Ровира
(блѣднѣя).

Вѣрить ли глазамъ? (протираетъ ихъ). Монини отыскиваетъ наше семейство? Сонъ ли это или правда? О мать моя!

Мать
(приходитъ въ себя).

Мы потеряны, мой сынъ.

Ровира.

И такъ это не ложь, не шутка?

Мать.

Увы!

Ровира.

Какъ же я никогда не зналъ?

Мать.

Могъ бы ты никогда и не узнать!

Ровира.

Но мы богаты, матушка; мы можемъ откупиться.

Мать.

Всего нашего состоянія на то не станетъ. Насъ двадцать пять человѣкъ.

Ровира.

Но какъ же Монини насъ оставлялъ въ покоѣ до сего времени?

Мать.

Такъ видно Богу угодно. Иду къ стряпчему.

Прежніе и Хуанъ.

Хуанъ.

Что я слышу, матушка? Здѣсь въ кофейной разнесся слухъ, что мы рабы. Долженъ ли я молчать или изобличить ложь?

Мать

(сѣвъ).

Дѣти мои! Я вамъ никогда не говорила то, что я сама узнала послѣ моей женитьбы. Зачѣмъ было отравлять ваше спокойствіе? Мой долгъ былъ васъ воспитать, полагая судьбу вашу на Бога. Будете ли укорять меня въ томъ, что я васъ воспитала какъ кавалеровъ, а не какъ Негровъ? Если вамъ суждено быть рабами, то вы довольно знаете, ничего не зная; ибо ваши познанья вамъ въ рабствѣ не послужатъ. Да, вашъ дѣдъ прижилъ вашего отца съ рабыней, бѣглой, но вашъ отецъ трудился и нажилъ это состояніе. По тысячи піастровъ съ головы, намъ надо будетъ внести двадцать пять тысячь. Едва ли все что мы имѣемъ составитъ эту сумму. Намъ надо будетъ снова

работать, но время торопитъ; адвокатъ укажетъ мнѣ наилучшій ходъ дѣла. Мужайтесь! (обнимаетъ и выходитъ).

Хуанъ.

Будетъ, что будетъ, намъ не надо оставаться въ Кубѣ. Рабы или нищіе, не дадимъ себя на утѣсненіе или на посмѣяніе. Неужели Монини знали и оставляли насъ въ покоѣ?

Ровира.

Видно не знали.

Хуанъ.

О рабство! что за учрежденіе! Какъ, потому что нашъ дѣдъ полюбилъ бѣдную Негритянку, потомки ея владѣльцевъ имѣютъ право оторватъ насъ отъ жизни, отъ свѣта, отъ просвѣщенія, продать насъ на рынкѣ съ цѣпію на шеѣ, или на ногѣ, или приковать ногу къ ногѣ. О! я бѣгу, бѣгу не огладываясь, чтобы изъ этого не вышло!

Ровира.

У меня голова чуть не лопаетъ. О, тутъ естъ съ чего сойти съ ума!

Хуанъ
(обнимая брата).

Прощай, братъ!

Ровира.

Куда ты?

Хуанъ.

О, мнѣ надо тишину, уединеніе, пустыню, лѣсъ!

Ровира.

Но нашей матери надо будетъ утѣшеніе.

Хуанъ.

Она сильнѣе насъ всѣхъ и духомъ и умомъ. Съ Богомъ! (вырывается изъ рукъ брата).

Ровира.

Антуанета! Я никогда не перенесу твой взглядъ. Я тебя не стою! А! всей любви свѣта не достало бы, чтобъ перенесть такое несчастіе.

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Ровира и Браунъ.

(Американецъ съ бородою, жуетъ табакъ, въ панковомъ платьѣ, постучавъ въ дверь входитъ.)

Браунъ.

Сеньоръ Ровира?

Ровира.

Къ вашимъ услугамъ.

Браунъ

(усѣвшись, кладетъ обѣ ноги на столъ и выплевываетъ на полъ).

Я къ вамъ по дѣлу. Я мистеръ Браунъ изъ Джоржіи; путешествую по торговымъ дѣламъ.

Ровира.

Ваши дѣла въ чемъ?

Браунъ.

Къ чему скрывать правду? Я беру участіе въ торговлѣ Негровъ (Ровира съ отвращеніемъ отталкиваетъ стулъ). Мы ввезли на дняхъ сюда карго черныхъ, переодѣтыхъ въ матросы; дѣло пойдетъ, какъ бы часть ихъ перевести въ Ню-Орлеансъ.

Ровира.

Я вамъ, полагаю, ни въ чемъ не могу служить.

Браунъ.

За нами смотрятъ Британцы; какое дѣло я васъ спрашиваю этимъ плутамъ до того, чѣмъ мы торгуемъ. Все вѣдь зависть; знаютъ, что свободный ввозъ рабовъ въ Кубу сдѣлалъ бы изъ ней цвѣтущій островъ. Какъ будто Англійская Вестъ-Индія и безъ того уже ни къ черту не годится? Было бы у нихъ на золотникъ мозгу, поняли бы, что не въ нашей выгодѣ подрывать цѣну Негровъ и ввозить ихъ въ большомъ количествѣ, а маленькое число мы скроемъ отъ этихъ варваровъ.

Ровира.

Съ вашею пронырливостью, за удачею дѣло не станетъ. Но могу ли узнать, чѣмъ я обязанъ удовольствіемъ вашего посѣщенія?

Браунъ.

Жара смертельная! Нѣтъ ли у васъ чего выпить?

Ровира.

Ананаснаго сиропу съ водою?

Браунъ.

Сиропу! Нѣтъ-ли водки?

Ровира.

Не совѣтую; желтая горячка теперь въ силѣ.

Браунъ.

Я выпилъ бы на здоровье желтой горячки. Да поберетъ она Британцевъ! (Ровира подаетъ ему воды съ ромомъ и Браунъ запивъ продолжаетъ.) Я не одними неграми торгую; за ними больше хлопотъ чѣмъ барыша. Я general merchant, спекулирую всѣмъ; я провѣдалъ, сеноръ, что у васъ есть машинка.

Ровира.

Кто-же вамъ сказалъ?

Браунъ.

Не гнѣвайтесь. Плотникъ, который работаетъ у васъ, работаетъ и у меня. Я видѣлъ у него вашъ станокъ и догодался, что тутъ можетъ быть дѣльцо.

Ровира.

И вы пришли извѣдать мою мыслъ?

Браунъ.

Нѣтъ, молодой человѣкъ, нѣтъ; вы сами знаете, что въ механикѣ, если недостаетъ нитки, то ее не придумаешь; за винтъ берутъ патентъ.

Ровира.

Ну что-же, если я и изобрѣлъ машину? Развѣ только бѣлымъ дано выдумывать?

Браунъ.

Боже сохрани! И у насъ мулаты самые способные люди. Но я бы могъ купить ваше изобрѣтенье.

Ровира.

Ну это просто приложеніе пара для добыванія сахару.

Браунъ.

Бездѣлица! Мы того-то и добиваемся. Да я бы нашелъ тысячу грузовъ негровъ въ одной такой машинкѣ. Предполагая, молодой человѣкъ, что ваша машина пойдетъ, что вы возмете за нее?

Ровира.

Что? Двадцать пять тысячь піастровъ.

Браунъ.

Покажите!

Ровира

(въ задумчивости).

Скажите мнѣ пожалуйста, въ Соединеныхъ Штатахъ рабъ можетъ выкупиться?

Браунъ.

Коли хозяинъ согласенъ.

Ровира.

А нѣтъ максимума?

Браунъ.

Нѣтъ! Такъ что если бы вы были моимъ, то я бы могъ взять вашу машину.

Ровира.

А если рабъ убѣжитъ?

Браунъ.

На то есть собаки.

Ровира.

Какія?

Браунъ.

Испанской породы; больно кусаютъ.

Ровира.

О это ужасно! Пойдемте, я вамъ покажу мою машину (выходятъ въ другую комнату. Входитъ мать Ровира).

Мать.

О ужасъ! Рабство или нищета, другаго нѣтъ выбора. Американцы говорятъ: «человѣка крайность, Божая случайность;» но чуда не совершаются (возвращаются Ровира и Браунъ).

СЦЕНА ТРЕТІЯ.

Браунъ.

Машина моя, а деньги ваши (подаетъ ему пукъ бумажекъ); ваше колесо рѣшило задачу. Сочтите!

Ровира

(подаетъ матери).

Вотъ двадцать пять тысячь піастровъ.

Мать

(считая).

За что, какъ? Да, вѣрно! но скажи!

Ровира.

Мистеръ Браунъ купилъ у меня машину.

Мать.

О мы спасены! (къ Брауну) А я только что призывала на помощь вашу пословицу: «что Богъ помгаетъ людямъ въ крайности.» Вы его оружіе.

Браунъ.

Въ чемъ дѣло? Но я не буду индискретенъ, и коли мои деньги пришли въ срокъ, тѣмъ лучше (подаетъ руку Ровиру. Мать и сынъ обнимаются).

Ровира.

И такъ не пропали вы, дни монхъ заботъ и ученій, ночи монхъ мысленій; тысяча рукъ будутъ спасены отъ рабства, замененыя машиной. Машину, я далъ ей душу — ее вы можете терзать; но душу данную Богомъ уважьте.

Мать.

Куба не проститъ, что твоя машина перейдетъ къ Американцамъ.

Ровира.

Куба! Что мнѣ до Кубы!

Мать.

Она твое отечество!

Ровира.

Которое готовило цѣпи мнѣ и вамъ, мать моя. Уѣдемте изъ этой Кубы; моя душа жаждетъ свободы, съ тѣхъ поръ какъ я разорвалъ мою цѣпь. Поѣдемте въ Соединенные Штаты.

Мать.

Какъ, не видать Плаца-д'Арма? этихъ мѣстъ, гдѣ мы знаемъ каждый камень?

Ровира.

Эти лица мнѣ противны.

Мать.

Они склонятся, когда узнаютъ о твоей славѣ.

Ровира.

Такъ я поѣду одинъ.

Мать.

А Антуанета!

Ровира.

Она Лоренцо!

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Пріемная Генералъ-Капитана.

О'Доннель и Агіеро.

О'Доннель.

Вы, молодой человѣкъ, набрались разныхъ либеральныхъ идей и повредите себѣ и другимъ. Вы очень хорошо знаете, что ваша должность почетная. Не всякаго малость берется въ строку. Вы донесли на Монина, ихъ лишили права владѣть рабами, всѣ помѣщики противъ васъ. Ваше пребываніе на островѣ болѣе не возможно.

Агіеро.

Генералъ, я не понимаю, какъ можно шутить съ долгомъ, какъ существуютъ должности на шутку. Будучи покровителемъ рабовъ, я долженъ былъ исполнять мой долгъ свято.

О'Доннель.

То то вы мнѣ всѣ въ святые глядите, а того не видите что за самими водится палата грѣховъ. Охъ ужъ эти мнѣ либералы, выведу я ихъ гнѣздо! Мнимые эти патріоты не хотятъ даже понять, что безъ рабства и Кубы существовать не можетъ.

Агіеро.

Но тутъ не въ рабствѣ, Генералъ, дѣло, а въ злоупотребленіи онаго. Вы, какъ блюститель законовъ, должны бы были мнѣ покровительствовать.

О'Доннель.

Законы, законы! У васъ у всѣхъ большія слова во рту; надо знать иногда оставлять законы спать, тогда и всѣмъ спокойно.

Агіеро.

Даже и зясѣченымъ рабамъ.

О'Доннель.

Ну, милостивый Государь, я васъ впрочемъ не позвалъ сюда, чтобъ вести съ вами пренія. Изъ уваженія только къ вашему отцу, я васъ прошу разсказать мнѣ какъ дѣло было, чтобы видѣть чѣмъ могу вамъ помочъ.

Агіеро.

Дѣло просто, Генералъ, мнѣ донесли на Монина.

О'Доннель.

Кто донесъ?

Агіеро.

Вы знаете, что въ этихъ случаяхъ, за доносомъ дѣло не стоитъ.

О'Доннель.

Я хочу знать кто именно; негръ?

Агіеро.

Нѣтъ, мулатъ, Хуанъ Ровира.

О'Доннель.

Ну мнѣ теперь все ясно. И вы не думали,

что послужили оружіемъ мести. Знайте же, что Манипи отыскали титулъ на владѣніе семействомъ Ровира.

Агіеро.

Это еще другая несправедливость.

О'Доннель.

Неоспориваемое право, сходите къ нимъ. Но жить вамъ въ Кубѣ дольше нельзя; извольте сбираться въ Испанію.

Агіеро.

Какъ! вы меня изгоняете за то, что я открылъ преступленіе.

О'Доннель.

Васъ изгоняетъ публичное мнѣніе; противъ его нѣтъ разсмотрѣнія.

Агіеро.

Но я никогда не былъ въ Испаніи, я родился здѣсь, мое семейство здѣсь.

О'Доннель.

Вы познакомитесъ съ Испаніей.

Агіеро.

О вы не знаете, что такое изгнаніе!

О'Доннель.

Вы человѣкъ способный и найдете въ Мадридѣ болѣе широкой кругъ дѣйствія.

Агіеро.

Но вы говорили о моемъ отцѣ, о вашей дружбѣ къ нему. Этотъ ударъ будетъ для него не выносимъ.

О'Доннелъ.

Я не вижу, какъ я бы могъ отстоять васъ.

Агіеро.

Но это общественное мнѣніе зависитъ отъ васъ. Позовите меня откушать и всѣ будутъ мнѣ кланяться.

О'Доннель.

Надо подать примѣръ, вы не одинъ либералъ. Но я увижу, покуда ступайте, и приготовляйтесъ къ отъѣзду.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Домъ Ровира.

Два брата.

Хуанъ.

О братъ! мы тебѣ всѣмъ обязаны; какъ признать твою услугу? Я же надъ тобою смѣяся, думалъ, что изъ тебя никогда ничего не будетъ. Прости великодушно!

Родригъ.

И полно, братъ! Туча, которая висѣла надъ нами послужитъ намъ урокомъ.

Хуанъ.

Но скажи, Родригъ; если ты выдумалъ машину, вѣдь ты можешь выдумать и другую, и насъ обогатить тѣмъ.

Родригъ.

У меня и есть въ головѣ кое что для добыванія минерала, но можетъ быть Богъ послалъ намъ спасеніе, а не пошлетъ богатство. Надо знать умѣренность, но я буду счастливъ служить вамъ чѣмъ могу. Дружба между брать-

ями рѣдка, отътого ли что слишкомъ много у нихъ столкновеній, отътого ли что, питаясь тѣмъ же кускомъ, они кусаются, особенно когда ѣсть имъ мало, но мы не подадимъ этого дурнаго примѣра (жмутъ себѣ руку). Что же ты дѣлалъ эти дни?

Хуанъ.

Я рыскалъ какъ бѣшанная собака вокругъ плантаціи Манини; о, я бы скорѣе былъ собакой нежели рабомъ. Но Манини поплатились дорого за то что хотѣли поработить насъ. За то что они засѣкли негра, имъ запрещено владѣть рабами и они вынуждены продать своихъ. Кому бы мы попались?

Родригъ.

Манини ни въ чемъ не виноваты: всякій бы захотѣлъ наложить на насъ ярмо. Это Лоренцо да Фрай Антоніо выкопали дѣло. Да проститъ имъ Богъ!

Хуанъ.

Я имъ не прощу.

Прежніе и Агіеро.

Агіеро.

Господа, я къ вамъ, по приказанію начальства. Но я узналъ на пути, что вы откупились; позвольте раздѣлить вашу радость, Родригъ, я гордъ бытъ вашимъ согражданиномъ (подаетъ ему руку). (Къ Хуану) За дѣло которому я далъ ходъ по вашему доносу, меня высылаютъ изъ Кубы.

Хуанъ.

Кто?

Агіеро.

О'Доннель.

Хуанъ.

Это неслыханный произволъ.

Агіеро.

Говоритъ, что того хочетъ общественное мнѣніе.

Хуанъ.

Сеньоръ Агіеро, какъ вамъ выразить мое сожалѣніе?

Агіеро.

О ничего! Я могу перенести немного и изгнанія!

Хуанъ.

Но это общественное мнѣніе, кто его составляетъ? Не льзя ли его измѣнить? Издатель газеты ходитъ въ нашу кофейную, я пойду поговорить съ нимъ.

Агіеро.

Что онъ можетъ? Онъ печатаетъ, что правительство велитъ, и ежлибъ осмѣлился свое сужденіе имѣть, ему бы зажали ротъ.

Хуанъ.

Но онъ пріятель съ Капитанъ-Генераломъ, можетъ попросить за васъ.

Агіеро.

Это дѣло другое, я не такъ гордъ, чтобъ за меня не просили. Мнѣ кажется, что такого роду мѣры должны увеличить только число противниковъ рабства.

Хуанъ.

Пойдемте вмѣстѣ въ журналъ.

Агіеро.

Сеньоръ Родригъ, я радъ былъ съ вами познакомиться лично. (Хуанъ и Агіеро выходятъ.)

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

Родригъ и Антуанета. Антуанета съ головою прикрытою мантою входитъ осторожно.

Антуанета.

Сеньоръ, я думала видѣть вашу матушку.

Родригъ.

Она прійдетъ сейчасъ, угодно вамъ сѣсть.

Антуанета.

Родригъ, вы найдете мой поступокъ не обдуманнымъ.

Родригъ.

Вы дѣлаете визитъ моей матушкѣ, чтобъ раздѣлить ея скорбь. Кто можетъ похулить этотъ шагъ? Вѣдь нѣсколько отъ васъ произошла и гроза.

Антуанета.

Но вы подумаете что я пришла, когда только узнала о вашемъ торжествѣ.

Родригъ.

Я на столько благороденъ, чтобъ никого не пожелать нистощить въ бездну въ которой я былъ. Есть бѣды на свѣтѣ, которыя надо переносить одному, и еслибъ у васъ было довольно мужества, я говорю предположительно, чтобъ раздѣлить участь раба, то у меня довольно было бы самоотверженія, чтобы не допустить этого.

Антуанета.

Вы говорите какъ бы вы имѣли право надо мною.

Родригъ.

О женщины! вы всегда останитесь тѣже, а мы вашими игрушками. Вашъ батюшка не исправимъ.

Антуанета.

О, онъ деретъ себѣ волосы на головѣ и говоритъ, что никогда не проститъ себѣ за зло. что онъ надѣлалъ; ибо, такъ какъ дѣла повернулись, Манини потеряютъ свое состояніе.

Прежніе и Хуанъ.

Родригъ.

Вотъ и виновникъ всѣхъ бѣдъ.

Хуанъ.

Сенора Лоренцо! Какую вы намъ дѣлаете честь! (къ Родригу) Скажи братъ, ты любишь ее?

Родригъ (къ Хуану).

Да!

Хуанъ (къ Родригу).

Напрасно! Вѣдь всю кашу заварилъ ихъ отецъ, подумай гдѣ бы мы были безъ тебя.

Родригъ (къ Хуану).

Она женщина; притомъ неизвѣстно хочетъ ли еще она меня, но отказывая ей, я себя только накажу (входитъ мать Ровира и цѣлуетъ Антуанету).

Родригъ (къ Хуану).

Что же по дѣлу Агіеро?

Хуанъ.

А, пельзя лучше, издатель Газеты посовѣтовалъ ему написать свое оправданіе, обѣщалъ передать О'Доннелю, и за успѣхъ ручается.

Антуанета
(къ матери Ровира).

Сенора Ровира! Тому назадъ нѣсколько дней Родригъ просилъ у моего отца моей руки и получилъ отказъ, который былъ мнѣ болѣнъ. Я пришла въ мою череду просить у васъ .... руки вашего сына .... если Сеньоръ Родригъ позволитъ.

Родригъ.

О Антуанета!

Мать.

Мое дѣло васъ благословить! Такъ мы ужь не уѣдимъ изъ Кубы!

СЦЕНА ПОСЛѢДНЯЯ.

Прежніе и Лоренцо.

Лоренцо
(въ замѣшательствѣ поворачиваетъ свою соломенную шляпу и шаркаетъ ногою, — къ Ровиру).

Вы торжествуете, я старый дуракъ ... Женщины насъ всѣхъ водятъ за носъ ..... и я пришелъ за дочерью. Сеньоръ Родригъ ...

я васъ хотѣлъ купить, а вы Крезъ, вы завладѣете всею Гаванною. Монини разорены и никогда мнѣ не простятъ. Уфъ! я въ отчаяніи, не знаю чѣмъ извиниться . . . Антуанета! проси за меня. Я самъ вижу, вы совсѣмъ не той породы, чтобъ быть рабами, и умнѣе многихъ бѣлыхъ.

Хуанъ.

Ваше замѣшательство, Сеньоръ Лоренцо, выкупило бы все, и я бы его не продлилъ, еслибъ семейство въ которое входитъ ваша дочь не нуждалось въ вашихъ извиненіяхъ.

Лоренцо.

Чистосердечно прошу объ томъ. Итакъ это рѣшено. Видно того хочетъ судьба и безерасудно мнѣ бороться съ нею.

Родригъ.

Ваша дочь въ совершенныхъ лѣтахъ и въ полномъ разумѣ. Но женясь на ней, я не женюсь на васъ. Есть обиды, Сеньоръ Лоренцо, которыя не забываются, и если я готовъ за-

быть то, что вы говорили и дѣлали, то я никогда не прощу себѣ того, что я сказалъ вамъ.

Антуанета.

Carlo Magno! Tu semila al Dio
Perche l'offensa la copre d'ublio
Perche pardone agli offendor.

Ровира мать
(къ сыновьямъ).

Вы испортите ваше счастіе если не покажитесь его достойными. Намъ Богъ послалъ испытаніе, знайте воспользоваться имъ. Мы всегда должны приписывать несчастіе наказанію за какіе нибудь грѣхи, а счастіе принимать въ награду за наши добрыя дѣла. Сеньоръ Лоренцо побѣдилъ свой предразсудокъ изъ любви къ своей дочери, это ему дѣлаетъ честь и я рада что буду ему сродни.

(При послѣднихъ словахъ Антуанеты, Родриго подошелъ къ ней, подавъ, ей руку говорилъ съ ней тихо.)

Конецъ.

Печатано у Ф. А. Брокгауза въ Лейпцигъ.